

И.Н. Лапицкая

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С МЕТАФОРИЧЕСКИМ ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются общие закономерности образования и механизма реализации образной семантики у существительных, имеющих в русском и белорусском языках переносные метафорические значения лица. Отмечаются основные регулярные метафорические модели, мотивационные основы метафоризации; анализируются особенности семантики и эмоционально-оценочные свойства данного разряда лексических единиц.

The article deals with general conformities of formation and the mechanism of the realization of figurative semantics of nouns which have in the Belarusian and Russian languages metaphorical meaning of a person. The main metaphorical models, reasonable foundations of metaphORIZATION are pointed out; the peculiarities of semantics and emotional-estimation peculiarities of the given category of lexical units are analyzed.

Языковые номинации, характеризующие человека, являются одним из типов метафорического переноса. Они иллюстрируют собой антропоцентрическую направленность метафоризации – наименование человека именами других объектов с целью его эмоционально-оценочной характеристики. Метафора, являясь универсальным средством концептуализации мира, служит средством образной номинации человека в разных языках мира, в том числе в русском и белорусском.

В сфере наименования лица как в русском, так и в белорусском языке, широкое распространение имеют следующие традиционные регулярные метафорические модели: 1) «животное → человек» (ср.: рус. *глухарь, гнида, коза, корова, лиса (лисица), медведь, свинья, теленок, обезьяна, одер, осел, рыба, черепаха, червяк* и др.; бел. *асёл, варона, выдра, гадзюка, гніда, карова, ліса (ліс), малпа, свіння, скарпіён, страказа, сыч, цяля* и др.); 2) «предмет → человек» (ср.: рус. *балда, бревно, кипяток, кубышка, лапоть, мешок, орясина, пень, пила, сапог, смола, сухарь, тряпка, тюфяк, шпингалет* и др.; бел. *абух, агрызак, гніляк, дубіна, завала, затычка, зломак, зносак, калун, круцёлка, слуп, смала, сухар, таўкач, трапало* и др.); 3) «растение → человек» (ср.: рус. *дуб, лопух, мимоза, пень, перец, пустоцвет, сморчок* и др.; бел. *грыб, дуб, пень, перац* и др.); 4) «мифическое существо → человек» (ср.: рус. *ведьма, гурия, кикимора, кощей, леший сфинкс, титан, фурия, херувим, цербер* и др.; бел. *вампір, дэман, кашчэй, пачвара, сфінкс, тытан, фурья, херувім, цэрбер* и др.); 5) «человек → человек» (ср.: рус. *гренадер, иезуит, лакей, лицедей, мецанин, набоб, пария, паяц, пигмей, фискал* и др.; бел. *гандляр, гіцаль, езуіт, кароль, канавал, карыфей, куркуль, паяц, пігмей, скамарох* и др.).

По наблюдению А.С. Бархударова, в механизме формирования таких переносных значений есть своя закономерность: «исходным пунктом переноса нередко служат эмоционально окрашенные сравнительные обороты» [1, с. 121]. Образные сравнения представляют собой компаративную конструкцию, состоящую из двух частей: в первой части указывается то, что сравнивается, во второй – то, с чем сравнивается. Анализ внутренней и внешней структуры лексики, подвергающейся метафоризации в русском и белорусском языках, позволяет отметить следующие основания для сравнения. Так, сравнение может проводиться по внешнему виду предмета, его свойству, ценности, значимости и другим признакам. Например, если обратиться к имеющейся в обоих языках тематической группе «предметы быта и объекты быта», то в этой группе можно установить несколько направлений метафорического процесса. Обычно основанием для сравнения служит: внешний вид какого-либо предмета (ср.: рус. *пугало* ‘о человеке с отпугивающей внешностью’ и бел. *пудзіла* ‘пра неахайна, непрыгожа апранутага, брыдкага чалавека’); его свойство (ср.: рус. *тряпка* ‘о бесхарактерном, слабовольном человеке’ и бел. *ануча* ‘бесхарактарны, бязвольны чалавек’) или характер действия (ср.: рус. *пила* ‘о человеке, который пилит кого-н.’ и бел. *піла* ‘пра сварлівага чалавека (звычайна жанчыну), які часта прыдзіраецца да чаго-н., дакарае каго-н.’).

Исследуемый материал показывает, что метафорические номинации, характеризующие человека в русском и белорусском языках, охватывают все стороны человеческой личности: внешний облик (рост, телосложение, черты лица и т. п.), психические свойства (черты характера, темперамент, умственные способности, эмоциональность и т. п.), положение в социуме и сформированные этим положением свойства личности. При этом интересно отметить, что практически все предметно-тематические группы слов-характеристик демонстрируют преобладание отрицательной, пейоративной оценки над положительной, мелиоративной.

Так, и в русском, и в белорусском языке одинаково отрицательно оцениваются такие пороки, как глупость (рус. *бревно, дуб, корова, лопух, пень, чурбан*; бел. *абух, асёл, баран, доўбня, калун, таўкач*); злоба, сварливость (рус. *барбос, ведьма, мегера, пила, собака, фурия*; бел. *выдра, ведзьма, мегера, піла, сабака, скарпён*); жадность, жестокость (рус. *зверь, кощей, кровосос, паук, стервятник*; бел. *драпежнік, жываглот, крывасмок, куркуль, п’яўка*); болтливость, лживость (рус. *сорока, чечетка, пустобрех*; бел. *балаболка, сарока, салавей, сакатуха, свістун, трапало*); хитрость, изворотливость, лживость (рус. *лиса, вьюн, гусь, хамелеон*; бел. *жук, ліса, уюн, хамелеон*); подлость, низость, коварство (рус. *змея, свинья, скотина, животное, гад, гадюка, пес*; бел. *вужака, гад, змяя, псіна, свіння, скаціна*); бесхарактерность, незначительность, ник-

чемность (рус. козявка, пешка, слизняк, тряпка, тюфяк, червяк; бел. агрызак, ануча, зносак, казяўка, пешка, слізняк) и др. Подвергаются порицанию и некоторые физические качества, объективно не являющиеся отрицательными, но проявляющиеся избыточно, например, чрезмерная худоба / полнота (рус. кощей, мумия, скелет, спичка, боров, кабан, корова; бел. кашчэй, мошчы, склюд, шкілет, карова); чрезмерно высокий / низкий рост (рус. каланча, пигалица, сморчок, шпингалет; бел. пігалица, шпінгалет).

Обращает на себя внимание асимметричность ряда отмеченных метафорических характеристик. Например, и в русском, и в белорусском языке отсутствуют метафорические номинации для обозначения многих положительных свойств, таких как «умный», «добрый», «щедрый», «честный», «чистоплотный» и др., антонимические воплощения которых так прочно закреплены в лексических системах обоих языков. К сказанному следует добавить, что мелиоративный характер оценки в обоих языках свойствен метафорическим существительным такой предметно-тематической группы: как «небесные тела» (ср.: рус. звезда, светило, солнце и бел. зорка, свяціла, сонца), а также словам из группы «металлы, минералы» (ср.: рус. кремль, магнит, перл, золото и бел. золата, крэмень, магніт, перл, самародак).

В целом, следует отметить, метафорические номинации лица выступают как оригинальный материал для осмысления культурных и лингвистических взаимоотношений между разными народами и разными языками.

Литература

1. Бархударов, А.С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода) / А.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.